

Взгляд на современную урбанистику

Вадим Россман

Вадим Россман. Техасский университет в Остине (UT), США, vjrossman@yahoo.com.

Пространство и пространственные отношения задают параметры для действия, его возможности и ограничения. При этом пространство города является одновременно и причиной, и результатом социальной трансформации. Именно в таком аспекте урбанистика предстает одной из наиболее интересных и продуктивных дисциплин в рамках социальных наук. При этом городская перспектива анализа драматически изменила повестку дня во многих социальных науках, в которых произошел своего рода «урбанистический поворот». Более того, урбанистика не ограничивается этими рамками. Современная урбанистика — это область исследований, где свое место находят не только социальные, но и естественные науки. Городами и городской проблематикой занимаются специалисты по информационным технологиям, экологи, популяционные биологи, энергетики, транспортные, гражданские и экологические инженеры, специалисты в области изучения климата и почвоведы. Города рассматриваются как сложные системы со своими законами функционирования. Работа с большими данными способствует пониманию важных тенденций городского развития. В более непосредственном горизонте предмет урбанистических исследований связан с городом для экспертов в области градостроительного проектирования, архитектуры и искусствоведения. Хотя художественная литература не имеет прямого отношения к урбанистике, но художественные образы города, который становится полноправным персонажем многих повествований, также дают богатый материал для анализа не только литературным критикам, но и урбанистам. Этим, как и многим другим, аналитическим траекториям движения по городским пространствам и посвящена данная статья.

Ключевые слова: урбанистика, город; сообщество; экономическая эффективность; идентичность; справедливость; большие данные; городское развитие.

Урбанистика давно превратилась в сад расходящихся тропок. Хотя сегодня она скорее похожа на классический английский сад, подражающий природе и не очень строго организованный, учебники, что вполне естественно, пытаются описать его скорее как французский картезианский сад, с регулярной планировкой и гораздо более ухоженный, чем он есть на самом деле. У каждого урбаниста есть свои любимые места и тропинки в этом саду, но чтобы не заблудиться в нем, конечно, уместна какая-то система навигации. Поэтому и мой взгляд на этот сад будет достаточно субъективным, связанным с моими исследовательскими интересами и предпочтениями.

Как и у всякого другого сада, в урбанистике есть своя парадная зона, по преимуществу декоративная. Это прежде всего вопросы благоустройства и развития городской инфраструктуры, то есть те темы, которые в первую очередь оказываются в зоне повышенного общественного внимания. Но у этого сада есть и своя внутренняя, интерьерная часть, которая связана с пониманием сущности города, развитием городских сообществ, политической проблематикой, не говоря уже о дальних закоулках и интимных тайниках этого сада, связанных с личными предпочтениями конкретных исследователей. Многие (если не большинство) урбанистические темы выходят далеко за пределы анализа собственно городских проблем и позволяют лучше понять важные тенденции мирового развития. Стратегии развития страны тесно сопряжены с программами развития городов и сетей межгородских связей, с геополитическим позиционированием государства, с выбором его политических ориентиров, с системой международных отношений, с государственным управлением, государственным и национальным строительством. Поэтому настоящая урбанистика не замыкается на тематике, сосредоточенной на самих городах. Януш Корчак говорил, что его интересуют не дети, а только человек. Подобно педагогике, которую интересуется человек в ребенке, идеальный урбанист занимается не просто городом, а человеком как таковым, человеком в новых условиях своего существования, поскольку город стал доминирующей формой существования человека, превратившись в один из уникальных компонентов человеческой самоидентификации и став своего рода новой пространственной оболочкой человека.

Город — это та среда, где человеческое начало наиболее явно противопоставляется началу природному. С городом исторически тесно связаны концепции цивилизации

(*civitas* — город), политики (от греческого «полис»), класса (бюргер — буржуазия) и морали (гражданственности и других гражданских добродетелей). В этом смысле история городов дает ключ к пониманию фундаментальных понятий социальной философии. Возможно, поэтому Шпенглер назвал человека «градостроительным животным» и именно в создании городов увидел начало истории в собственном смысле слова как «всемирно-исторического развития». Пространство и пространственные отношения задают параметры для действия, его возможности и ограничения. При этом пространство, пространство города, является одновременно и причиной, и результатом социальной трансформации. Именно в таком аспекте урбанистика кажется наиболее интересной и плодотворной.

Следует также отметить, что сама городская перспектива анализа драматически изменила повестку дня во многих социальных науках, в которых произошел своего рода «урбанистический поворот». Такой явный поворот произошел, например, в экономике. Если раньше доминирующей парадигмой анализа в этой науке были национальные государства, то сегодня экономика фокусируется не столько на них, сколько на городском развитии. В этой перспективе национальные государства оказываются своего рода пригородами крупных мегаполисов. Адам Смит назвал свое сочинение «Богатство наций». Сегодня экономисты все чаще говорят о «богатстве городов» и рассматривают стратегии и программы урбанистического развития, а также развитие межгородских сетей в качестве главных источников экономического роста, процветания и инноваций. Работы Джейн Джекобс подчеркнули фундаментальную роль городов в создании не только технических инноваций, но и новшеств в сфере искусства и художественного творчества, в том числе фольклорного, которое, казалось бы, должно находить свою почву в сельской местности. Урбанистический поворот в экономике во многом способствует созданию программ экономического развития, которые ориентированы прежде всего на крупные города и мегаполисы, объединяющие целые регионы. Собственно, историческое развитие — всемирно-историческое развитие — также начинается с истории городов.

Современная урбанистика — это не отдельная дисциплина, а целая область исследований, где свое место находят как социальные, так и естественные науки со своими разнообразными методами. Городами и городской проблематикой занимаются специалисты по информационным

технологиям, экологи, популяционные биологи, энергетики, транспортные, гражданские и экологические инженеры, специалисты в области изучения климата и почвоведы. Города часто рассматриваются в этом контексте как сложные системы со своими собственными законами функционирования. Работа с «большими данными» и с законами больших цифр способствует пониманию важных тенденций развития городов. Более непосредственный горизонт исследования города обращен к экспертам в области градостроительного проектирования, архитекторам и искусствоведам.

Хотя художественная литература не имеет прямого отношения к урбанистике, но художественные образы города — города, который становится полноправным персонажем повествования, — дают богатый материал для анализа не только литературным критикам, но и урбанистам. Художественная литература также играет большую роль в функционировании городов и их восприятии, и не только в плане художественного их освоения. Писатели не только создают своеобразную картографию городов, но и улавливают, фиксируют многие присущие им черты и чувства, которые они вызывают. Вена Роберта Музиля, Берлин Альфреда Дёблина, Петербург Достоевского и Андрея Белого, Дублин Джеймса Джойса, Буэнос-Айрес Борхеса, Лиссабон Жозе Сарамаго, Лондон Диккенса, Париж Бальзака, Нью-Йорк Джона Дос Пассоса дают интересные примеры того, как городская среда формируется не только экскаваторами, подъемными кранами и укладчиками плитки, но и великими романами. Писатели не только обращают внимание на неожиданные черты и особенности города, но и соучаствуют в его созидании, формируют его пространства и маршруты. Великие города создают литературу, великая литература создает и во многом переформатирует сам город.

В этой статье я буду говорить о городах прежде всего как о предмете исследования социальных наук. Свой вклад в исследования города вносят экономисты, социологи, географы, антропологи, историки, эксперты в области публичного и муниципального управления. Конечно, даже только в контексте социальных наук было бы сложно перечислить все направления, школы, методологические подходы и темы исследований. Однако, на мой взгляд, здесь можно выделить три центральных предмета интереса, которые обычно ассоциируются с соответствующими методами анализа: экономическая эффективность, идентичность и справедливость. Помимо дисциплинарных предпочтений, сам

выбор этих больших тем может нести невольную и дополнительную идеологическую нагрузку.

С точки зрения экономики самыми важными темами здесь являются проблемы эффективного использования городских пространств и их ресурсов в отношении получения прибыли. Это тематика особенно четко артикулирована в статьях девелоперов, специалистов в области недвижимости, ритейла, демографии и экономики. Главные элементы содержательной повестки в этих областях — это монетизация города и городских пространств, проблемы экономического роста, эффективное использование городских участков, джентрификация. Эта перспектива часто обозначается как неолиберальная, и она обращается прежде всего к количественным методам анализа.

Вторая перспектива — перспектива идентичности и качественных методов описания. Она связана преимущественно с семиотическими и феноменологическими методами исследования, и к ней обращаются прежде всего антропологи и этнографы города. Главным вопросом здесь являются, по существу, те имплицитные правила, которыми руководствуются жители данного города и жители конкретных городских сообществ. Эти правила отнюдь не очевидны, так что и идентификация, и формулировка этих правил, их смены и трансформации чрезвычайно важны для понимания динамики городского развития. К числу таких классических работ, безусловно, принадлежат работы Кевина Линча¹, Джейн Джекобс², исследования американского города в работах Чикагской школы социологии (Роберта Парка, Харви Зорбо, Луиса Вирта и других)³. К сожалению, сами представители этих направлений редко говорят о правилах, но по сути именно эти объективные правила и оказываются здесь в фокусе внимания.

Третьим направлением в области анализа города являются критические исследования, сосредоточенные на проблемах справедливости и социального неравенства. Эти работы обращаются к критическим методам анализа, выявлению нормативных предпосылок урбанистических решений, которые часто позиционируют себя в качестве политически нейтральных. Цель этих работ — критика су-

1. Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.

2. Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. N.Y.: Random House, 1961; *Idem*. *Cities and the Wealth of Nations*. N.Y.: Penguin Random House, 1985.

3. См. прежде всего: Zorbaugh H. *The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side*. Chicago: The University of Chicago Press, 1929.

ществующих градостроительных практик с точки зрения ценностных критериев, в первую очередь справедливости и инклюзивности. Тут применяются прежде всего методы политической философии и социологии. Здесь заострена проблематика общественных пространств, классовых противоречий, изучения неравенства, доступного жилья, социальных программ — всего того, что в совокупности часто называют «левым урбанизмом». В противоположность работам, сосредоточенным на качественных методах анализа и описаниях, критический урбанизм акцентирует прежде всего конфликты и противоречия.

«Правый урбанизм» девелоперов нередко противопоставляется своему антиподу, «левому урбанизму», в то время как «понимающая» социология города, воплощенная в качественных методах анализа, часто кажется слишком академически нейтральной и мало совместимой с более активистскими и политически ангажированными правым и левым урбанизмом.

Хотя все эти подходы обычно противопоставляются друг другу, в действительности они нередко друг друга дополняют. Качественные методы отнюдь не исключают, а наоборот — предполагают количественные методы. Критические методы анализа, выявляющие подоплеку конкретных решений и образов будущего, дополняют и корректируют как антропологический, так и неолиберальный взгляд на город. Идентификация неявных правил поведения и ценностных ориентаций требует подтверждения количественными выкладками. При этом квантификация качественных характеристик, конечно, не может быть тривиальной и часто бывает весьма проблематичной. Тем не менее именно этот компромиссный путь мне кажется наиболее перспективным.

Далее я попытаюсь кратко обсудить примеры тем, которые, на мой взгляд, наиболее характерны для каждого из направлений современной урбанистики. Логично будет начать с тех, которые связаны с эффективностью и количественным анализом.

Экономическая эффективность города

Приоритеты городского развития

Экономика города, стратегии и приоритеты городского развития занимают центральное место в первом из этих направле-

ний. В этом контексте большую роль играет тематика агломераций, эффекты масштаба, проблемы потребления в городе, экономические стимулы для развития городов, культурная и креативная индустрии, индустриальные стратегии городского развития (оптимальное сочетание отраслей, предпочтительных для конкретного типа города), экономика событий, брендинг городов. К этому же кругу проблем относятся вопросы встраивания города в национальные и международные сети, их конкурентные преимущества. Человеческий потенциал города и его способность привлекать креативных людей играют важную роль в создании инноваций и в развитии его потенциала. Важной темой также является проблематика управления рисками (*urban resilience*), способность города справляться с неожиданными вызовами и чрезвычайными ситуациями, природными и социальными катаклизмами. Все эти вопросы связаны по преимуществу с количественными методами анализа, и главная задача здесь — оптимизация и максимизация благоприятных параметров.

Стратегии развития города предполагают самые разные цели. Здесь важно обратить внимание на то, что многие заявленные ориентиры развития городов могут приходиться в противоречие друг с другом. Так, например, рост ВРП может приводить к меньшей доступности жилья, стимулирование инвестиций — к росту задолженности, а консервация, экологическая политика и охрана памятников архитектуры — к росту цен на жилье. Стимуляция потребления неизбежно приводит к росту отходов. Успешное решение макроэкономических задач, таких как экономический рост, нередко означает понижение качества жизни в городе. Достижение краткосрочных целей может повлечь долгосрочные издержки. Модернизация инфраструктуры и джентрификация часто ведут к росту имущественного неравенства, сегрегации и иногда даже росту преступности. Транспортная доступность центра города может негативно сказываться на качестве городской среды и вызывать ущемление интересов пешеходов. В то же время высокий уровень организации городской жизни и зарегулированность могут приводить к стерильности и низкой динамике городской жизни. Высокий потенциал города с точки зрения туризма и индустрии развлечений может войти в противоречие с функциональными характеристиками города.

Разные города с разными функциональными и качественными характеристиками, безусловно, должны иметь разные стратегии и разные приоритеты своего развития.

Инфраструктура города

Развитие и модернизация городской инфраструктуры может способствовать достижению городом своих стратегических целей и параметров качества жизни или тормозить его. В течение долгих лет эта инфраструктура недофинансировалась. В результате экономическая эффективность ряда городов существенно снизилась. Сегодня инвестиции в городскую инфраструктуру являются ключевой частью многих экономических стратегий (например, план Байдена в числе прочего предусматривает высокие инвестиции в урбанистическую инфраструктуру). Это не только собственно обновление инфраструктуры, но и адаптация зеленой энергетики, новых урбанистических цифровых технологий, сопряженных с развитием сетевого города, умных парковок и зданий.

Важной частью современной городской инфраструктуры выступают технологии и стратегии экологической защиты и работы с мусором. Именно поэтому большое место в современных урбанистических исследованиях занимает *циркулярная экономика*. Тематика циркулярной экономики, или экономики замкнутого цикла, представляет собой часть большой области экологической урбанистики. Речь идет о возможности вторичного использования ресурсов и сырья в городе и создании циклов переработки мусора, которые позволяют более эффективно пользоваться ресурсами. Программы развития современных городов включают в себя использование разных типов мусора для производства и вторичной переработки. Переработка разных видов отходов может из издержек превратиться в важный ресурс: часть индустриального мусора может идти на производство новых строительных материалов, пищевой мусор может быть использован для сельского хозяйства, часть мусора — сжигаться на специальных заводах и давать энергию, умные свалки могут также служить важным источником метана и становиться источником энергии. Разработка таких стратегий чрезвычайно важна как для санитаризации города, так и для рачительного использования городских ресурсов. Сегодня наиболее развитые города утилизируют 80–90% своего мусора для новых целей.

Морфология городов

К проблемам экономической эффективности относятся также вопросы, связанные с морфологией города: это сама фор-

ма города, его компактность, система зонирования, волюметрические характеристики. Морфология города может быть более или менее эффективной с точки зрения транспорта. Грамотно спланированные города позволяют избегать пробок и сокращать время, которое средний городской житель проводит в транспорте при поездках на работу. Более компактные города позволяют экономить время на такие поездки, расползающиеся города менее эффективны. Волюметрические характеристики города могут быть более благоприятны с точки зрения энергосбережения: например, высотные конструкции позволяют экономить электроэнергию. Устройство улиц также создает важные предпосылки для эффективного функционирования города.

Морфология города не является навсегда заданной, но может видоизменяться и корректироваться. Различные модели развития городов предполагают трансформацию их морфологической структуры. Примерами здесь могут служить концепция *One City Nine Towns* в Шанхае или созданный после Второй мировой войны план Копенгагена, который организовал город в форме ладони с пятью «пальцами» — маршрутами электропоездов. Морфология индустриальных городов, обычно разделяющая город на центр, индустриальную зону и зону спальных районов, уступает место смешанному типу функциональной застройки в постиндустриальных городах. При этом спальные районы трансформируются — от микрорайонного к квартальному типу застройки.

С морфологией города также тесно связана и проблема *формы и функции*. Успешные города способны быстро адаптировать свою старую или историческую инфраструктуру под новые функции и конвертировать свои сложившиеся формы под новые специализации. Серые зоны города с их индустриальными зданиями могут быть успешно использованы для новых креативных пространств, сохраняя при этом преемственность городской среды.

Новые города

К теме экономической эффективности также тесно примыкает проблематика новых городов. Неолиберальная модель урбанистического развития в ведущих странах привела к экономическому кризису малых и средних городов в пользу крупных мега- и мегалополисов. Приоритетное развитие мегаполисов стало своего рода проекцией проблемы нера-

венства в сферу пространственного развития. Экономический рост этих мегаполисов — во всяком случае, с точки зрения некоторых экономистов, — шел за счет других городов и целых регионов. В урбанистической проекции сходные цели экономического развития в развивающихся странах Азии (прежде всего в Китае) и Ближнего Востока привели к созданию особых экономических зон и сотен новых городов. Стратегии развития этих стран включали в себя создание множества новых экономических кластеров, моторами развития которых должны были стать новые города или их сети. В Индии и Китае возникли национальные программы и стратегии создания новых экологических или умных городов. Примером может служить программа создания 100 умных городов в Индии, инициированная Нарендрой Модии. Вокруг создания умных городов сложилась целая индустрия, которая оценивается в десятки триллионов долларов.

В некоторых случаях новые города создавались для выполнения специализированных задач. Это наукограды (Цукуба в Японии), технограды (Ячай в Эквадоре), новые аэрополисы (Сондо в Южной Корее), медиагорода, города-порты, образовательные центры («Город Образования» в Катаре), медицинские города, города телекоммуникаций (Киберджайа в Малайзии), зеленых технологий (Масдар в ОАЭ), города искусств (Удун и Дафэн в Китае). В специально построенном городе искусств Valley XL недалеко от Пекина (проект города оценивается почти в 3 миллиарда долларов) сосредоточены музеи, студии, выставочные пространства. В некоторых случаях новые города стали своего рода экспериментальными полигонами для испытания новых социальных практик и новых технологий (в том числе *Urbantech*). Примерами такого рода городов могут служить город VR (виртуальной реальности) и город облачных технологий в Китае. Однако в большинстве случаев новые города складываются в Китае вокруг более прозаических промышленных секторов и экономических специализаций (города производства носков, игрушек или оправ для очков). В Китае также возникли программы создания новых малых городов, рождающихся на основе стиля жизни — город медленной жизни Яси (недалеко от Нанкина)⁴ или город лодочных

4. Город возник в контексте международного движения за медленную жизнь, которое сложилось в 1980-х годах в Италии. «Медленная архитектура» призвана способствовать такому стилю жизни.

гонок, а также особые «тематические города» (город военного теоретика Сунь-цзы, город художников и т.д.).

Многие современные исследования в области урбанистики связаны с анализом перспектив новых городов. Насколько жизнеспособны экономические модели, основанные на создании новых городов? Каковы их перспективы? Являются ли такие города своего рода «потемкинскими деревнями», или их экспериментальный характер может служить ценным примером, очерчивающим контуры будущего в системе развития человеческих поселений? В какой степени они отвечают своему названию и замыслу — «умных» и «экологических» городов? Каков горизонт их планирования и каковы уроки их строительства? Какова социальная цена их экономических успехов?

Современные новые города также интересны в исторической перспективе. Насколько они сопоставимы по своим целям и задачам с программами строительства новых городов после Второй мировой войны в Великобритании или в СССР? Как и почему возникали новые города в древнем мире, например, в Древней Греции (Пирей Гипподама), в эпоху второй урбанистической революции в Германии, описанной Фрицем Рёригом⁵, или в эпоху крестоносцев (известно, что многие города были заложены крестоносцами — Валетта на Мальте, города Восточной Европы — Рига, Кёнигсберг, Таллин, Варшава).

Проблемы идентичности: качественные методы анализа

Если экономически мотивированные исследования предпочитают проблематику оптимизации и смотрят на пространство как на нечто предзаданное, то качественные методы анализа сосредоточены прежде всего на проблемах идентичности и видят пространство города как нечто уникальное. Правила поведения конкретных сообществ, законы их формирования, проблематика городской солидарности, а также качественные характеристики пространства составляют костяк той проблематики, которая их интересует. Если первая группа смотрит на пространство «сверху вниз», как

5. Rörig F. The Medieval Town. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967.

на нечто физическое, абстрактное и гомогенное, то для качественных исследований принципиальной оказывается именно неоднородность пространства, которое они пытаются реконструировать и понять «снизу вверх». Это именно человеческое измерение пространства. Здесь особую роль играет дуализм *пространства и места*.

Идеи, связанные с благоустройством и градостроительным проектированием, базируются на дуализме «пространства» и «места». Тематика «места», или *place-making*, при этом приобретает особую значимость. Если пространство по преимуществу объективно (ориентация на него становится определяющей для политической экономики и планирования «сверху вниз»), то идея места более субъективна и предполагает более интимное переживание пространства, сосредоточенность на смысле и сообществе. Пространство проектирования сверху — это физическое пространство, а пространство качественных исследований — это скорее очеловеченное феноменологическое пространство, неотделимое от повседневного опыта человека. Если пространство «производится» государством и капиталом (социальное производство) и является предметом изучения политэкономики, то «место» возникает в процессе социального конструирования в категориях символизма и нарративов повседневной жизни. Таким образом, мы имеем, с одной стороны, физическое производство материальных условий, а с другой — сценны и действия, связанные со смыслами (обменом, конфликтом и контролем, памятью и идентичностью). Физическое пространство наполняется значениями в процессе лингвистического или феноменологического конструирования, в результате непосредственных социальных практик.

Различению между «пространством» и «местом» в определенной степени соответствует противопоставление между *ville* и *cit  *, на которое опирается в своем анализе известный урбанист Ричард Сеннет⁶. В каком-то смысле это различие — как и многие другие категории социальных наук — можно возвести к противоположности между пространствами в понимании Аристотеля (*oikia*) и Платона (*chora*). Пространство Аристотеля — это бытие, неотделимое от того пространства, которое оно занимает.

Многие современные рейтинги городов придают большое значение именно этому субъективному опыту, способности городских властей превратить пространство города

6. Sennett R. Building and Dwelling: Ethics for the City. L.: Allen Lane, 2018.

в места, где приятно бывать, места, которые дают позитивный опыт и создают качество городской среды. Эффективное благоустройство направлено прежде всего на освоение города снизу, с точки зрения формирования таких пространств, на создание, формирование и реконструкцию городских идентичностей. Наиболее существенные характеристики города связаны скорее с качествами человеческих сообществ, с их нарративами и интерпретациями, чем просто с городской инфраструктурой и эффективностью. Именно в формировании таких сообществ (креативный класс) видят ключ к экономическому успеху городов некоторые современные урбанисты (Ричард Флорида)⁷.

Критические методы анализа

Как уже было сказано, главные предметы интереса в этом направлении составляют выявление нормативных предпосылок конкретных урбанистических решений, их идеологическая или классовая ангажированность, проблемы инклюзивности и представленности разных стейкхолдеров — особенно тех из них, которые исторически были лишены возможности влиять на эти решения. Если для других направлений наиболее важными предметами интереса являются производство (в том числе производство самого пространства) и потребление, для критической урбанистики особенно важны проблемы распределения и перераспределения городских ресурсов и доступа к ним. Сама проблематика неявного перераспределения, с этой точки зрения, давно присутствует уже в неолиберальном подходе к городу. Такой подход позволяет увидеть и отрефлексировать интересы, которые скрываются за, казалось бы, нейтральной повесткой дня. Например, проекты благоустройства, мегапроекты или мегасобытия, заявленные как общенациональные или общегородские, в действительности могут служить интересам лишь небольшой группы людей, а для остальных жителей означать только издержки. В то время как проблемы справедливости видятся неолиберальным теоретикам города как подчиненные экономическим императивам развития, для критической урбанистики принципиально важна именно тематика справедливости и неравенства. Такая оптика, разумеется, ориентирует теоретиков на акцентиро-

7. *Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N.Y.: Basic Books, 2002.*

вание конфликтов, фундаментальных для понимания города.

Город, безусловно, является ареной напряжений между интересами разных сообществ, разных социальных слоев, разных групп влияния. Интересы девелоперов, инвесторов, домовладельцев нередко сталкиваются с интересами жителей города. Интересы арендодателей не совпадают с интересами квартиросъемщиков. Интересы туристической индустрии могут приходить в противоречие с интересами рядовых горожан или, скажем, жителей городского центра. Интересы администрации города и гражданских служащих отличны от интересов владельцев малых бизнесов, или конкретных общественных организаций, или городских сообществ. Интересы пешеходов или велосипедистов не совпадают с интересами водителей. Интересы экспертов и консультантов, пытающихся рассчитать оптимальное решение, не совпадают с интересами администраторов и руководителей муниципальных программ, часто ориентирующихся на баланс интересов стейкхолдеров или их конкретную группу. Тенденция критической урбанистики заключается в том, что источники большинства этих конфликтов обнаруживаются на уровне класса, расы или пола, — хотя они к ним, конечно, не сводятся.

Свой вклад в сложные задачи, направленные на разрешение этих конфликтов и на поиск баланса интересов, могут внести все три перечисленных направления. Во многих существенных аспектах они могут плодотворно дополнять друг друга. Непонимание человеческого измерения города и тех поведенческих ритуалов и правил, которыми руководствуются горожане, может свести к нулю любое «просчитывание» жизни города. Неспособность идентифицировать и предотвратить конфликты интересов также оказывается источником крупных экономических издержек. Использование различных методов и подходов не всегда политически нейтрально, но эти направления могут прийти к продуктивному консенсусу и различным компромиссным решениям. Например, проблематика циркулярной экономики существенна как для экономически, так и для социально мотивированных практиков и исследователей, хотя они ориентируются на разные ценности. Прогресс в развитии городов не является линейным, и ориентации на экономическую эффективность, идентичность и справедливость далеко не всегда исключают друг друга. Необходим диалог, который позволил бы дисциплинарным предрассуд-

кам и ассоциированным с ними политическим позициям преодолеть свою замкнутость на себе. На мой взгляд, именно такой комплексный подход к городу может быть наиболее продуктивным.

Историческая урбанистика

Историческая урбанистика обращена по преимуществу к истории и археологии, но она помогает в решении многих важных теоретических проблем в исследованиях урбанистов, направленных на сегодняшний день. Она также позволяет лучше понять родословную и типологии современных городов, траектории их эволюции. Сравнительные методы исследования и относительно недавние раскопки проясняют некоторые важные проблемы.

Среди них — вопрос о том, как и почему появились первые города: возникли ли они как коммерческие, военные, административные или религиозные центры. Долгое время считалось, что города зарождаются прежде всего как центры торговли и обмена. Но есть школа исследований, которая указывала на религиозные или культовые мотивы возникновения городов: городов как храмовых центров. Эту позицию отстаивал еще Фюстель де Куланж в своей книге «Древний город»⁸. Он считал, что древние города появились еще в рамках аграрного общества и первоначально не были связаны с коммерцией и обменом. Археологические раскопки и сравнительная урбанистика как будто подтверждают эту точку зрения. Гюбекле-Тепе в Турции, возникший в 10-м тысячелетии до н.э., в донеолитическую эпоху как раз был таким храмовым центром. Чатал-Хююк (также в современной Турции) возник в эпоху неолита, в 8-м тысячелетии до н.э. (примерно в 7400 году до н.э.), и был оставлен еще до наступления бронзового века. Чатал-Хююк, вероятно, сложился вокруг культа быка и богини-Матери. Гонур-Депе (в современном Туркменистане) — это храмовый город огнепоклонников, столица страны Маргуш, который возник около 3-го тысячелетия до н.э. Эти древние города (если считать их таковыми) вряд ли были важными коммерческими центрами и возникли как чисто религиозные точки притяжения. Дельфы или Шило (Силом) были древними общеплеменными куль-

8. *Fustel de Coulanges N. The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome.* Kitchener: Batoche Books, 2001.

товыми религиозными центрами ахейцев и иудеев задолго до возникновения Афин или Иерусалима, главными функциями которых были политическая и коммерческая.

Интересно отметить, что переносы столиц часто были мотивированы религиозными представлениями, что также как будто свидетельствует о некоммерческом характере этих городов. Так, например, перенос столицы из Рима в Константинополь в какой-то степени (очевидно, были и более существенные причины) был связан с религиозными мотивами — переходом от язычества к христианству. Константинополь создавался как новый христианский город. Эхнатон в Древнем Египте попытался сменить религию, и новый город Ахетатон (ныне Амарна) стал центром его нового культа. Перенос столицы в Сеул в Корее также обозначил переход от буддизма к конфуцианству. Перенос столицы Золотой Орды из Сарая в Сарай-Берке в XIV веке вряд ли случайно совпал с принятием ислама.

Преодоление европоцентричных предрассудков по поводу городов Востока и неевропейских городов в целом — другая важная проблема исторической урбанистики. Как известно, Макс Вебер считал города прежде всего европейским явлением: здесь родилась буржуазия (горожане) и рациональные формы поведения, которые послужили стимулами для особого пути экономического развития⁹. Города, с его точки зрения, не играли никакой роли в развитии капитализма за пределами Европы. Города как автономные самоуправляющиеся коммерческие единицы не возникали нигде, кроме Европы. В Китае и других азиатских странах города были просто административными единицами. Исследования Уильяма Роу (он подробно описал купцов и другие городские классы китайского общества) на примере важного торгового города Ханькоу (современный Ухань) убедительно показали, что города Китая были коммерческими и самоуправляющимися единицами, обладающими элементами капиталистического развития, во многом сопоставимого с Европой¹⁰.

Большую роль в исторической урбанистике играют сравнительные исследования городов. Они позволяют понять ошибки или, наоборот, успешные стратегии в их развитии. Многие города сталкиваются со сходными вызовами,

9. Weber M. The City. N.Y.: Free Press, 1986.

10. Rowe W. Hankow: Conflict and Community in a Chinese City, 1796–1895. Redwood City: Stanford University Press, 1984.

но по-разному на них отвечают. Из такого анализа можно извлечь много полезных уроков, понять преимущества и недостатки разных программ. Это, например, уроки городов, которые часто сталкиваются со сходными стихийными бедствиями вроде наводнений, пожаров или землетрясений.

В исторической урбанистике есть множество других интересных тем. Приведу один любопытный пример. Многие новые города, особенно столичные, возникли буквально на болоте. Во всяком случае, такова важная часть городской мифологии. Среди них: Санкт-Петербург, Вашингтон, Брюссель, Париж, Мехико, Токио, Анкара, Нью-Дели, Калькутта, Белград. Римский форум первоначально возник в болотистом месте между семью холмами. Первые города Месопотамии возникают в болотистых местах. Сунь Ятсен мечтал построить новую столицу Китая среди болот Нанкина. Даже сами названия многих городов указывают на болотистую местность, где выросли эти города. Так, названия Берлина, Брюсселя или Парижа прямо отсылают своей этимологией к семантике болота, топи, влажного места. Слово «Брюссель» переводится со старонидерландского как «селение на болоте». «Лютеция» (латинское название Парижа) происходит от *luteus* — «полный грязи», «илистый». Топоним «Берлин» восходит к полабскому *berl-* («болото»). В некоторых случаях связь с болотами сохранилась во внутренней топонимике городов (*le Marais* в Париже, Майдан, Балчуг, Болотная площадь).

Есть разные объяснения этого явления. Мне кажется, эти объяснения можно дополнить (но не всегда заменить) предположением о том, что болотистость места для строительства новой столицы часто являлась или мнимой, или весьма преувеличенной. И тому есть скорее политические причины, особенно заметные в случае многих новых современных столиц. Правитель (или, в современных нарративах — нация) предстает как фигура, которая преодолевает не только политические препятствия, но и природные стихии. Петр Первый, Фридрих Великий и Бенито Муссолини описывались как победители болот. Муссолини занимался укрощением Понтинских болот и построил на них город Латина, столицу одноименной провинции. Акт создания нового города — это акт победы над хаосом и древней стихией воды. Город, особенно новый столичный град — это всегда триумф. Он должен стоять, «неколебимо усмиряя побежденную стихию». Поэтому в мифологии города часто подчеркивается и обычно преувеличивается неупорядоченность, пер-

возданный хаос, предсуществовавшее «болото». Например, известно, что территория Вашингтона, якобы построенного на болотах, была не намного более заболоченной, чем Джорджтаун и близлежащие графства. Это очень древний архетип, но к нему и сегодня обращаются политики. Так, например, Трамп в период своей избирательной компании обещал «осушить болото», которое представляет собой, по его мнению, Вашингтон. В период реконструкции Берлина план преобразования новой столицы исходил из того, что Восточный Берлин — это некое неосвоенное место или, во всяком случае, *tabula rasa*, идентичность которого не особенно учитывалась. В российской мифологии Санкт-Петербург также описывается как город, возникший на болотах, в то время как хорошо известно, что на этом месте давно существовали шведские города и другие поселения. Не случайно в описаниях новых столиц часто фигурируют тропические топи (Ямосурко, Берег Слоновой Кости), сельва (Бразилия), джунгли (Найпидьо, Мьянма), болотистые берега Ишима (Астана), малярийные болота (Нью-Дели), песчаные дюны и другие неустроенные ландшафты.

Столичная проблематика

В последние годы в урбанистической литературе большое значение стала приобретать проблематика, связанная с развитием и функционированием столичных городов. Еще десять лет назад книги и статьи, посвященные концепции столичного города, было легко пересчитать по пальцам. Сегодня эта тематика оказалась на передовой линии дискуссий.

Проблематика столиц приобретает особую важность по нескольким причинам. Столица — это особый тип города, в известном смысле город парадоксальный. Если в качестве ключевых для города характеристик часто указывают на самоуправление, а также удобство или экономическую эффективность, то столицы нередко управляются с минимальным участием собственно горожан (например, Вашингтон), а требования удобства и экономической эффективности часто приносятся здесь в жертву национальным интересам. Особую роль в возникновении и эволюции столичных городов играют иконография и организация общественных пространств, которые гораздо менее значимы в жизни нестоличных городов. Архитектура столичных городов также

резко отличается от городов нестоличных. Если нестоличные города имеют разные функции, то главной функцией столичных городов является производство публичных благ. Не случайно принципы конвенционального урбанизма и оценки столичных городов с точки зрения его критериев далеко не всегда подходят для суждения о развитии столичного города. Столицы встроены в сложные системы взаимодействия с другими городами и решают не только урбанистические, но и национальные задачи, а также задачи мегарегионального и глобального развития.

Важно отметить, что в развивающихся странах численность жителей столицы превосходит население всех других городов и во многих случаях — даже все население страны. Такая ситуация характерна для многих стран Латинской Америки и Африки. Примером такой страны в Азии может служить Монголия. Столичные города заменяют собой и компенсируют отсутствие других городов, что, конечно, свидетельствует о низком уровне урбанизации в целом. В других случаях столицы играют непропорциональную роль в жизни государств и определяют всю национальную жизнь, становясь своего рода материальной синекдохой государства. О такой ситуации в отношении Франции, где «Париж формировал обычаи всех граждан государства», писал Монтескье.

Одним из проявлений парадоксальности столичного города служит его высокая конфликтогенность. С одной стороны, столичные города часто возникают как средство разрешения внутренних национальных конфликтов и создаются как города компромисса. С другой — сами они являются местом ярко выраженных социальных конфликтов. Большинство столиц значительно менее социально однородны по сравнению с другими городами: в столицах мы, как правило, наблюдаем самый высокий уровень неравенства и классовых противоречий. Поскольку в таком городе находится правительство, столичные города обычно становятся сценой массовых протестов. В то же время именно в столицах наиболее ярко выражены конфликты между глобальным, национальным и местным, то есть собственно городским. В некоторых случаях сюда добавляется еще и региональный уровень (столичный регион, который может представлять собой конурбацию или сеть взаимосвязанных городов), отличный от национального и городского. В силу своих экономических и политических характеристик столичные города являются глобальными. В то же время в качестве столиц

они призваны решать прежде всего национальные задачи, производить публичные блага для граждан страны. Таковыми публичными благами являются, например, национальные музеи, представительства общественных организаций, национальные образовательные учреждения, пространства для проведения национальных праздников и т. п. При этом ориентация на глобальность (экономика) нередко входит в противоречие с национальной или городской ориентацией. Интересы горожан, жителей столицы, часто входят в противоречие с функциями национальными и глобальными. Внутри города идет конкуренция за ресурсы, и внутригородские проекты могут служить каждому из трех уровней скалярности.

Возвращаясь к внутригородским конфликтам, интересно отметить, что разные сообщества в столичном городе в разной степени являются бенефициарами конкретных городских проектов. Например, значительную часть столичного населения составляют гражданские служащие, которые могут быть более заинтересованы в программах, нацеленных на усиление национальной столичной функции, в то время как другие группы населения в силу характера своей занятости могут быть более заинтересованы в глобальных функциях. Хотя жители столиц часто являются бенефициарами тех публичных благ, которые возникают в столичном городе, они также могут испытывать определенные неудобства от национальной или глобальной роли своего города. В то же время жители провинций часто считают, что столичные города узурпируют жизненно важные функции у других городов. Например, налоги, которые платят все жители страны, по сути субсидируют жителей столичного региона и качество их жизни. Это важная проблема столичного развития.

Понимание задач и функций столичного города дает возможность ответить на вполне практические вопросы. Какие города могут быть более эффективны в качестве столиц и какие параметры здесь нужно учитывать? Столицы государств переносятся из одного города в другой гораздо чаще, чем можно предположить. В числе недавних примеров — переносы столиц в Египте и Индонезии. Сегодня дебаты о переносе столицы ведутся в более чем 50 странах. Это четверть всех национальных государств.

Такие дебаты менее характерны для европейских стран (хотя эта тема обсуждается в Великобритании, Ирландии, Румынии и Словакии) и более характерны для развиваю-

щихся. Большинство из этих стран находятся в Африке. В своей книге я описал шесть разных стратегий, в контексте которых обсуждается этот вопрос¹¹, и во многих случаях мы видим их пересечение. Эти стратегии связаны с безопасностью, идентичностью, разрешением внутренних субнациональных конфликтов, проблемами экономического развития, геополитикой и преимуществами децентрализации. В некоторых случаях речь идет о конкретных физических угрозах (из-за изменения климата многие приморские города могут просто исчезнуть). В других случаях — я имею прежде всего Великобританию и США — возникают дисбалансы в развитии разных регионов страны. Так, в США 12 из 20 самых богатых графств оказались сосредоточены вокруг столицы страны, Вашингтона. В этой связи встал вопрос о возможном перенесении части функций федерального правительства в небольшие города в разных регионах США. Во многих других случаях огромные столичные города, такие как Пекин или Мехико, кажутся неэффективными в силу своего размера, и становится очевидной необходимость как-то решить этот вопрос. В связи с этим возникает необходимость в реорганизации столичной функции. Например, правительство Китая решило создать новый город относительно недалеко от Пекина, где разместились бы менее критичные, нестоличные функции, которые сейчас базируются в Пекине. Путь, избранный в Китае, в известном смысле противоположен решениям тех стран, которые, наоборот, приняли решение создать новый столичный город или административный центр за пределами столицы.

Не так давно я был приглашен в качестве ключевого докладчика на мировой Конгресс по градостроительному планированию в Джакарте, который проводился в связи с решением о переносе столицы страны в провинцию Восточный Калимантан на острове Борнео. Нынешняя столица Джакарта испытывает множество проблем: постоянные наводнения, вулканическая активность, а также дисбалансы, связанные с тем, что большая часть экономической активности огромной островной страны сосредоточена на острове Ява. Мой доклад был посвящен опыту переноса столиц в других странах и их урокам для Индонезии. Я остановлюсь на примере Индонезии, поскольку он хорошо иллюстрирует многообразие аспектов, сосуществующих в этом вопросе.

11. См.: *Rossman V. Capital Cities: Varieties and Patterns of Development and Relocation*. L.: Routledge, 2017.

Перенос столиц очень характерен для многих национальных государств в период освобождения от колониальной зависимости. Общей тенденцией постколониальных государств, особенно крупных, был перенос столицы из портовых центров в города, располагавшиеся во внутренних районах страны. Этим объясняются многие прецеденты в африканских странах или в Бразилии. Но, вопреки распространенному мнению, столицы нередко переносились еще в колониальный период. Уже в 1920-е годы голландцы предпринимали попытки перенести столицу Индонезии в город Бандунг («Париж на Яве») подобно тому как в 1911 году это сделали англичане в Индии, где еще до достижения независимости столица была перенесена из Калькутты (Бенгалия) в Нью-Дели. Интересно отметить, что в 1939 году федеральная столица французского Индокитая также была перенесена из Сайгона в Далат, который многие тогда тоже называли «маленьким Парижем», — хотя столичную функцию он выполнял только до 1945 года. Япония также перенесла столицу колонизированной ими Маньчжурии в город Синьцзин (современный Чанчун в Китае). В Индонезии 1920-х годов голландцы так и не осуществили свой план, но идея переноса столицы сохранилась и после достижения независимости стала постоянным лейтмотивом в политике Индонезии — и при Сукарно, и при Сухарто, и при двух последних лидерах страны. Если задачей колонизаторов было удобство администрирования, в период национального строительства в центре внимания оказывается создание новой национальной идентичности: необходимость порвать с традициями колониализма, которые воплощала собой культура метрополии в Батавии (современная Джакарта), избранной и построенной голландцами для целей колониального контроля.

После достижения независимости и освобождения от Японии в 1940-е годы возникла концепция «Великой Индонезии», которая предполагала объединение Индонезии и Малайзии (у двух государств очень близкие язык и культура и общая доколониальная история) и создание панмалайского государства. В этом контексте сложилась концепция Малайского Союза (*Indonesia Raya*). Инструментом для продвижения этого плана стала почвенная идеология бамипутра и концепция новой столицы на острове Борнео, территорию которого разделяют Малайзия и Индонезия (а также Бруней). Для этого необходимо было создать новую столицу на острове Борнео, часть которого принадлежит Малайзии. Единый народ, искусственно разделенный в ходе колони-

альной истории, связанной с Великобританией и Нидерландами, должен был вновь интегрироваться. Постепенно энтузиазм по поводу поглощения Малайзии Индонезией угас, но идея переноса столицы на остров Борнео не исчезла и была переосмыслена.

В конце 1950-х годов эта идея прорабатывалась президентом Сукарно (1901–1970), правда, не в контексте панмалайзийства, а в контексте национального строительства и нового уровня интеграции государства, которое состояло из архипелага разбросанных островов. Сукарно был человеком социалистического направления, другом СССР, часто приезжал в Москву. Коммунистическая партия Индонезии была третьей по величине коммунистической партией мира после СССР и Китая. Новая столица должна была возникнуть на юге Калимантана, в географическом центре островной страны. Концепция новой столицы нашла понимание в СССР, который предоставил финансирование этого крупного проекта. В Индонезию приехали советские специалисты по градостроительству, инженерному делу и архитектуре. Курировал проект нового города товарищ Сеун, первый председатель Индонезийской компартии и выпускник Коммунистического университета трудящихся Востока, который прожил 30 лет в Москве. Хотя новый город был спроектирован во многом с ориентацией на Вашингтон, его называли «второй Москвой», и в планировании города большую роль сыграли советские специалисты. С их помощью и был создан план Паланкарайи, новой столицы страны на юге Калимантана на острове Борнео. В 1957 году началось строительство нового города, которое вдохновлялось также опытом Бразилии.

Как уже было сказано, одной из задач новой столицы была национальная консолидация. Символизм Паланкарайи был призван подчеркнуть задачи национального строительства. Монумент, который отметил начало строительных работ (17 июля 1957 года), состоял из 17 колонн, которые отсылали к дате достижения независимости (17 августа 1945 года). Центральная, девятая, пятиугольная колонна была отмечена огнем, который символизировал стремление к свободе. Пятиугольник отсылал к идеологии панчасила («пять основ»). Паланкарайя должна была послужить магическим катализатором социальных изменений, своего рода символическим топором, который Сукарно использовал, чтобы разрубить «кармический цикл», в котором оказалась страна.

Несмотря на мусульманское большинство, план нового города акцентировал символы, связанные с индуист-

ской традицией. Сукарно (он был балинийцем и индуистом, по матери) считал стратегически важной для страны индуистскую идентичность, которую он хотел сохранить для Индонезии. Примечательно, что индуисты при этом составляли менее двух процентов населения страны. Персонажи индуистской мифологии — Ганеша (бог мудрости), Гаруда (средство передвижения Вишну и национальная эмблема Индонезии), Хануман — и сегодня занимают важное место в символике и названиях государственных учреждений Индонезии. Все эти индуистские символы были важны для того, чтобы подчеркнуть преемственность исторических эпох (Индонезия возникла как «островная Индия») и историческую идентичность Индонезии, прежде всего преемственность с индуистско-буддистской империей Маджапахит, которая объединяла архипелаг в XIII веке.

После военного переворота 1965 года режим Сукарно был свергнут, и это послужило началом конца для проекта строительства очередного нового города. Советские инженеры были депортированы из страны. Генеральный план прежнего города и подготовительные чертежи «второй Москвы» бесследно исчезли. Однако Сухарто, новый президент Индонезии, рассматривал возможность строительства нового административного центра недалеко от Джакарты, чтобы разгрузить город. Но этот проект также не был осуществлен.

Приведенный пример иллюстрирует множественность мотивов и аспектов, которые связаны с переносом столицы. Вопросы политической и экономической интеграции, проблемы национальной идентичности и иконографии, проблемы безопасности и необходимость децентрализации, вопросы развития отдаленных районов страны, геополитическое позиционирование, преодоление внутринациональных конфликтов, балансировки интересов различных островов и регионов страны. Этот пример также показывает, что успех такого проекта не определяется собственно урбанистическим успехом и практическим удобством нового города для жизни, так как решает гораздо более фундаментальные задачи национального и государственного строительства.

* * *

В данной статье мы рассмотрели лишь ограниченный круг тем, связанных с современной урбанистикой, и представили достаточно субъективный взгляд на состояние современ-

ных урбанистических исследований. Город, безусловно, представляет собой не только чисто функциональную единицу, но и сложную целостность, которая содержит в себе особую мифологию и эстетическое начало. И это не просто особое пространство, располагающее к художественному осмыслению. Сам город есть произведение искусства, своего рода вагнеровское тотальное произведение искусства (*Gesamtkunstwerk*).

Библиография

- Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. N.Y.: Basic Books, 2002.
- Fustel de Coulanges N. *The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome*. Kitchener: Batoche Books, 2001.
- Jacobs J. *Cities and the Wealth of Nations*. N.Y.: Penguin Random House, 1985.
- Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. N.Y.: Random House, 1961.
- Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge, MA: MIT Press, 1960.
- Rörig F. *The Medieval Town*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1967.
- Rossmann V. *Capital Cities: Varieties and Patterns of Development and Relocation*. L.: Routledge, 2017.
- Rowe W. *Hankow: Conflict and Community in a Chinese City, 1796–1895*. Redwood City: Stanford University Press, 1984.
- Sennett R. *Building and Dwelling: Ethics for the City*. L.: Allen Lane, 2018.
- Weber M. *The City*. N.Y.: Free Press, 1986.
- Zorbaugh H. *The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side*. Chicago: The University of Chicago Press, 1929.

View on Contemporary Urbanism

Vadim Rossmann. The University of Texas at Austin (UT), USA,
vjrossman@yahoo.com.

Urban studies, a discipline at the intersection of social and natural sciences, plays a crucial role in defining the parameters for action within city spaces, encompassing both possibilities and limitations. The urban landscape serves as a catalyst and product of social transformation, illustrating the dynamic nature of cities. The article highlights how urban studies has reshaped the agenda across various social sciences through an “urban turn.” Beyond social sciences, urban studies have evolved into a multidisciplinary field, engaging information scientists, ecologists, biologists, engineers, and climate scientists, who view cities as complex systems governed by unique principles. The use of big data and statistical analysis aids in deciphering key urban development trends. On a more immediate level, the study touches upon the role of urban design, architecture, and art history in shaping cityscapes. Additionally, the article delves into the portrayal of cities in fiction, where they often emerge as central characters, providing rich analytical material for both literary critics and urbanists. This comprehensive examination covers various analytical approaches to navigating and understanding urban spaces.

Keywords: *urban studies; city; community; economic efficiency; identity; justice; big data; urban development.*

References

- Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, New York, Basic Books, 2002.
- Fustel de Coulanges N. *The Ancient City: A Study on the Religion, Laws, and Institutions of Greece and Rome*, Kitchener, Batoche Books, 2001.
- Jacobs J. *Cities and the Wealth of Nations*, New York, Penguin Random House, 1985.
- Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*, New York, Random House, 1961.
- Lynch K. *The Image of the City*, Cambridge, MA, MIT Press, 1960.
- Rörig F. *The Medieval Town*, Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1967.
- Rossman V. *Capital Cities: Varieties and Patterns of Development and Relocation*, London, Routledge, 2017.
- Rowe W. *Hankow: Conflict and Community in a Chinese City, 1796-1895*, Redwood City, Stanford University Press, 1984.
- Sennett R. *Building and Dwelling: Ethics for the City*, London, Allen Lane, 2018.
- Weber M. *The City*, New York, Free Press, 1986.
- Zorbaugh H. *The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side*, Chicago, The University of Chicago Press, 1929.